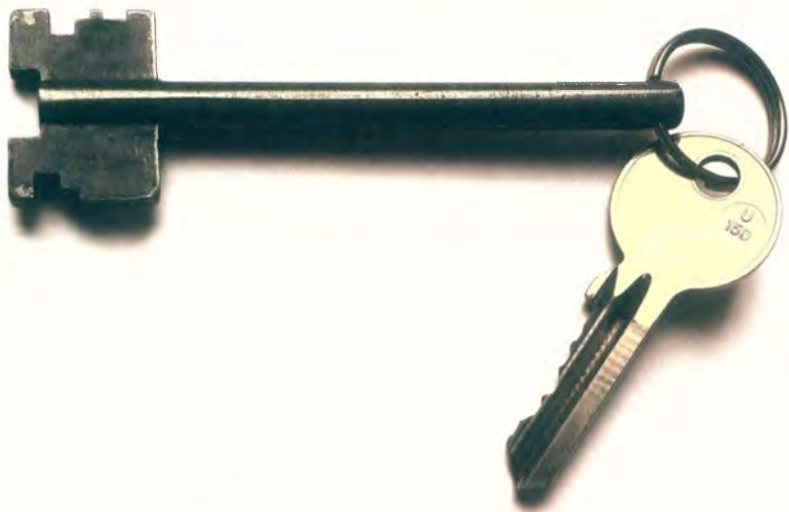

НОВАЯ серия

олег
юрьев

СТИХИ
и другие стихотворения

Дождь был. Деревья отжали
с острых воскрылий крахмал.
Шершень споткнулся на жале
и тяжело захромал
по опаленной ступеньке
на опыленную тьму —
шелка лоскутья, как деньги,
розы роняют к нему.

Здравствуй, пустая природа —
мытые мая сады,
древ золоченая рота
у серебряной воды,
осы, и красные шершни,
и моховые шмели,
черви, латунные стержни,
выросшие из земли...
мертвые в каплях стрекозы...
крыльев потерянный шелк...
дикие майские розы...

...Дождь был. И снова пошел.

н о в а я серия

**олег
юрьев**

стихи и другие стихотворения

олег

юрьев

стихи и другие стихотворения

НОВОЕиздательство

2011

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ю85

новая серия

совместный проект
«Нового издательства» и клуба «Маяк»
издается с 2006 года

составитель серии
Михаил Айзенберг
издатель
Андрей Курилкин
дизайн
Анатолий Гусев

Юрьев О.
Ю85 Стихи и другие стихотворения (2007–2010)
М.: Новое издательство, 2011. — 94 с. — (Новая серия)

ISBN 978-5-98379-145-9

Олег Юрьев — поэт, прозаик, драматург. Родился в 1959 году в Ленинграде. Закончил Ленинградский финансово-экономический институт. С 1991 года живет во Франкфурте-на-Майне. Автор поэтических книг «Стихи о небесном наборе» (1989), «Избранные стихи и хоры» (2004), «Франкфуртский выстрел вечерний» (2007).

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-98379-145-9

© Новое издательство, 2011

I

Отдаляясь, меркнет снег —
подожди, пока не смерк
и не сделался дождем
— Хорошо. Подождем —

Отделяясь, меркнет снег —
подожди, чтобы не смерк
и не сделался дождем
— Хорошо. Подождем —

1, 07

...а едва из башенки мы сошли
в те накатанные из мягкого дымного льда
небеса, что так сизо-розовы и покаты,
как всё и опять мы увидели, но не так, как с земли:

Цыгане, поклевывающие с моста.

Цыганки, поплеывающие на карты.

Утки, поплавывающие в пенной пыли.

Собачки, курчавые, как борозда.

Младенцы, щекотаны и щекаты.

(И низкие покоробленные корабли.)

(И черные опаздывающие поезда.)

(И белые ослепительные закаты.)

II, 07

ТРИ ШЕСТИСТИШИЯ СО СЛОВОМ «ВОДА»

Из небес, как баночка, пустых
с толстыми гранеными боками
на дуршлаг откинута вода.
Все затычки-марлечки невстык —
проползают медленно, пока не
валятся в брусчатый снег, сюда.

Мы живем, как водоросль, на дне
смутностенного пустого неба,
где на ситах носится вода.
И со вжиком — бритвой на ремне —
облетают нас по краю недо-
переправленные поезда.

А когда колесный перестук
замерзает где-то за краями,
в капле каждой гасится вода.
И тогда выводит нас пастух
поглядеть с холма, как в черной яме
дышат золотые города.

ПЕСНИ ЗИМНИХ ВЫСОТ (1)

О холмы, облитые брусчаткой,
Лязгнул быстрый луч и был таков,
И пропал — над смотровой площадкой,
В набеленных лицах облаков.

Луч зеленый, новый штык трехгранный,
Бескозырка — ленточки до пят...
— Облака, не спите под охраной,
Под охраной облака не спят.

— И не жмите к холодящей грани
Ваши щеки, вспухлы и нежны,
Ведь уже в ущелья за горами
Узкие откинута ножны.

Сизый дым взвивается по мачте...
Ржавый пар на куполе — как йод...
— Вы его, бессонного, не прячьте.
Вот он выйдет и вас всех убьет.

ПЕСНИ ЗИМНИХ ВЫСОТ (2)

— Не по склону, а по небо-склону,
По скрипящей звездной шелухе,
Побежать бы тополю и клену,
И сосне, и вязу, и ольхе... — — —

...Ах, куда ж там... Да и по площадке
Им не разбежаться смотровой,
Где в своей железной плащ-палатке
Каменеет тенью часовой.

— Не по своду, а по небо-своду,
Чтоб получше звезды полущить,
Вон на том Шляху на ту подводу
Хорошо бы лучик получить... — — —

Но куда ж там... Замер свилеватый
Постовой — приклад у каблука,
И, сияя броненосной ватой,
Над холмом сомкнулись облака.

Поглядишь со смотровой площадки
Под гору, в тускнеющую мглу —
Там, надевши черные перчатки,
Замерзают бльхи на углу,

Там, на мельничном плече повесясь,
Зеленеет в сыпких облаках
Утлый месяц, захудалый месяц
В каменных железных башмаках,

Там по раскорезенному шляху
Розлит позолоченный мазут,
И по расхоложенному шлаку
Мотоциклы черные ползут,

А за вахтой пляшут, за корчмарней,
Прыгая, вертясь и семена
Всё быстрее, кромешней и кошмарней,
Вугленные яблоки огня.

ТРИ ШЕСТИСТИШИЯ БЕЗ СЛОВА «ВОДА»

Как двойная водоросль в окне
меж двойным стеклом, попеременно
изгибаясь и прямясь, мы спим,
но — одновременно видно мне —
черной лестницей одновременно
мы сбегает изгибаньем спин.

...А когда мы вышли за порог
и, вступивши в фосфорный аквариум,
побрели (мерцанье — по глаза),
черный порох обходных дорог
вспыхивал зигзагами по хмарям —
стало быть, готовилась гроза.

Всё, что в облаках оттиснено,
вся ручная азбука ночная,
все насечки с блеском голубым —
всё на край земли оттеснено
(вспыхивать и пухнуть начиная
там, где ствольный чад неколебим).

II-III, 07, Schloss Solitude, Stuttgart

строфа

сдутая марля и... сбитая вата и...

небо в расплоинах зеленовато и...
снег вычищается шнеком — наверх

ночь освещается снегом

и одноцветный ее фейерверк
гаснет с набегом

антистрофа

взбитая вата и... вздутая марля и...

небо в проплоинах — йоду не мало ли? —
снег воспаленный подтлело померк

персть полетела

и — сквозь нее проступает наверх
города темное тело

IV, 07

1.

...между проволок нежно колючих
и беззвучно поющих колечек
проскакал — по вздыхающим ярусам — лучик,
одноногий кузнечик —
для теней их кольчатых и клетчатых льющих
он сверкающий метчик

2.

...клен, и липа, и ясень
в золотых и серебряных сталях,
укоясь им,
расхристались, как если бы враз расхлестали их —
в потных складках очнулся, протерся, стал ясен
поддымлённый хрусталик

3.

...из бесслезно горячих
облаков, что сверкают, зерцала раззявши,
на листочек весь в рубчик
из зеленой и дырчатой замши
ну зачем же так падать, голубчик,
ведь преломишься сам же

отвечает отпрыгнувший лучик
тьме и свету летающий метчик:
— ну и что же, преломлюся
— и навеки поселюся
— среди проволок нежно колючих
— и беззвучно поющих колечек

IV, 07

полетели из дому
по литейному дыму
по сухому седому
голубому подыму

и до тьмы долетели
где лишь звезды в засаде
и назад поглядели
и увидели сзади

реку полную блеску
переплеску и лоску
вон к тому перелеску
подтянувшую лёску —

за литую железку
золотую желёзку

V, 07

1.

Запах потопа бывшего.
Запад подводный в огне.
Выпукло, криво, лилово
облако всплыло в окне...
...выпукло-криво, лилово
облако с пыла в окне...
... выпукло, криво-лилово
облако стыло в окне...
...выпукло-криво-лилово
облако с тыла в окне...

2.

Плачет под облаком ива
в стёкла ногтями скребет —
зелено, выпукло-криво
дрожит ее жидкий хребёт...
...зелено-выпукло, криво
дрожит ее, рыбки, хребёт...
...зелено-выпукло-криво
лежит ее, рыбки, хребёт...
...зелено, выпукло, криво
плавник ее зыбкий гребет...

3.

...Выпукло, криво и сине
в слезы вливается мгла...
— Скажи мне, в каком керосине
последнее море ты жгла?
...и что ж ты так плачешь?

4.

^ — Одна я
на краешке неба стою,
погашенной пеной пятная
зажженную кóсу свою...
...влагой небесной пятная
светлую кóсу свою...
...подвижную тенью пятная
кóсу косую свою...

5.

Это последняя старость,
это последний костер —
уже никого не осталось
с косыми косáми сестер —
уж нас ни одной не осталось
с сырыми косáми сестер —

6.

вся растворилась аллея,
все утонули пруды,
одна погибаю во мгле я,
в пожаре небесной воды —
одна волосами белея
в разгаре небесной воды.

V, 07

Над рекою над Майном Жуковский опарный живет.
Он из сада из черного женихам мужиковским грозит,
Он из лука из лунного обложных паразитов разит —
И дрожит под халатом его бело-холодный живот.

За рекою за Майном на осевших во мглу теремах
Свет блуждает болотный в становищах тех половчан,
И черкасскими стрелами полный колчан
Ему Гоголь подносит, голубой Тилемах.

А из бледно-блестящей листвы, со стремянки простой,
Из пробирки из лунной, из лопнувшей стклянки пустой
Им хохочет и кычет свой двоюродный брат холостой —
Алексей Константиныч Толстой.

VII, 07

*Ein verweintes Pferd sah mich aus Linsen an.
Arno Schmidt, "Das steinerne Herz"*

Из-за стеклянных наклонных стрел
конь заплаканный посмотрел
сквозь чечевички огня и сна

туда, где сырная ночь ясна.

По наклону из облачных тел
клен заплатанный полетел,
платан заклеенный побежал

туда, где синий лежал пожар
гнутой гаснущей полосой,
а ночь по склону всходила босой,

и, разгораясь, сырая мгла
сквозь черевички ее росла.

VI, 07

МЫ ПОГЛЯДЕЛИ С НОЧНОГО ДНА:

1.

...весь скат небесный был, как одна
нетуго скатанная папироса —
полурассыпана, полуполна;
и тонкого дыма ползла волна,
разноизогнутая равнополосо,
а сверху падали искры на...

2.

Или нет:

...весь сад небесный был ветвь одна,
равноизогнутая разнополосо,
на ней разрозненная роза
— разоблачённая луна —
лежала, изнутри темна.
И жала падали сверху на.

VI, 07

ТРИ ТРЕХСТИШИЯ ПЕРЕД ГРОЗОЙ

И клены с лапками, и липы с лапотками
и хлопали, и топали на лестнице с лотками,
и нагибались, будто их толкали.

И в свете медленном, дошедшем недосюда,
и петли нам, и полосы чертила мгла-постуда
и поворачивалась посуда.

И воздух поднялся и щелкнул плетью об стол,
и клены окружил, и плотно липы обстал,
и где был неба тыл — там лоб стал.

VII, 07

ДВУСТИШИЕ С НЕВИДИМОЙ ЧАСТЬЮ

Воздух в межгорьях грузнеющий —
Так начинается ночь

*(чтоб показаться грозней — еще ей
надо его подтолочь
в вывороченно зияющей
стоптанной ступке-луне*

*а чтоб оказаться грозней еще — ей
надо его разволочь
по мягкой сырой и сияющей
низкопарящей луне —*

*но эта земля не своя еще ей,
и весь этот сад еще не).*

IX, XI, 07

ВНИЗУ, У ДОРОГИ

К машине, едущей с горы
(хворост небесный растворя)
во мглы сияние дождевое,
зачем приделаны шары
из выщелоченного хрусталя
со смятой сеточкой в обвое?

Зачем искрится головой
(раствор надземный раздвоя
на пресное и дрожжевое)
дождик дорожный угловой
из вышелушенного хрусталя?

...или же нет, и их тоже двое?

IV, 08

В ДЕКАБРЕ ПОПОЛУДНИ

будто ниоткуда вынутый
через тлеющий прожог
в смутной линзе опрокинутый
появляется снежок

подпускает пара чуточку
в бело-черный фейерверк
распускает парашюточку
и спускается наверх

в небо ветхое господнее
а под тем еще одно
под исподним подысподнее
а под ним еще — свободнее
и светлее и безводнее
и — последнее оно

XII, 08

ОБЛАКА, МАРТ

Латынский небосвод латунный
Шелестит, как колокол без языка —
Чем ослепительнее луны,
Тем ослепленнее облака.

Но чем слепее облака те,
Тем слепленнее огня шары,
Что на подпрыгивающем самокате
Взлетают в гору, как с горы.

III, 09

ТРИ РАЗА О ГРОЗЕ

1.
Где гром был кругл, там бегл стал блиц.

И небо вспыхнуло, огрузло...
И глина, сметена с таблиц,
Кусками застучала в русло.

2.

Где холм был обл, там шпиль стал длинн.

И в облаках померкли соты...

И по краям ночных долин

Огней обрушились высоты.

3.

Где небо шар, там дело швах.

И свет шарахался в аллее...

И сердце скрипнуло на швах

И, может быть, еще левее...

VII, 10

загород черный светом зарос
в форме наклонно-ходящих полос
ростом с нас

пригород белый тенью прирос
как на желёзе подтек купорос
просто снясь

подгород желтый прахом подрос
как от надпоротых папирос
ростом с нас

город незримый в воздухе рос
весь наплоенье невидимых роз
просто снясь

VIII, 10

<...>

Мы были отблеском и тенью,
 Багровой пылью полутел,
 Когда к небесному растенью
 По тучных волн переплетенью
 Безвидный всадник полетел.

Греми, река. Мигай, зарница.
 Неси, сова, лицо свое.
 Свисти, подводная цевница,
 Стучи, стучи, пороховница
 О запотевшее цевье!

<...>

Мы были эхом и молчаньем
 Над костяного блеском льда,
 Когда под знаменем мочальным
 В огне молочном и печальном
 Сирена выла никуда.

Слезись, заря. Дымись, Селена.
 Река, седые клочья дыбь!
 Не в силах вырваться из плена,
 В седые клочья рвись, сирена, —
 Екатерина, плачь, как выпь!

VII-VIII, 07

ПЕСЕНЬКА

...hier wächst der Wein...

На ходу вино растет,
Уцепясь за посошок,
По нему везде растерт
Золотильный порошок,

Но везде ли он везде
И всегда ли он везде —
То при той видать звезде,
Что видать при той звезде:

Чуть взойдут они на склон
неба, Как заведено,
Так серебряным стеклом
И нальется то вино;

Чуть сойдут они за скат
неба, Перейдет, дрожа,
Постоянный ток цикад
В переменный ток дождя,

Потому что не всегда,
Не всегда и не везде
Та звезда не та звезда
И вода не в той воде.

VIII, 07

Виноградную тенью тмим
Поутру-поутру
Кориандр, анис и тмин
На-ветру-на-ветру,

Лезвьем свищущим обрит
Под ребром, под ребром
И синеющим облит
Серебром.

Мы выходим на заре, на заре
В наклоненный, как в дыму, вертоград,
И в зеленом и лиловом дому
Пленный брат — в сентябре — синебрад.

И на этом-то золотом серебре
Столько тлеющих полос и полос,
Что в тумане на горящей горе
Что-то — вроде — во тьму сорвалось.

IX, 07

Шел одноногий виноград
Склоненными рядками,
Но многорукий винокрад
Украл его руками.

Что же осталось? — Ничего.
Так тихо отчего-то:
Не слышно свиста ничьего,
Ни посвиста чьего-то,

На безывестные кусты
В рядках обезветвленных
Известки падают куски
С небес обызвествленных.

X, 07

ПЕСНЯ, ПЕСЕНЬКА (IV, ИЛИ ВТОРАЯ ОСЕННЯЯ)
И ХОР (СКРЫТЫЙ)

<...>

*в солнечном тумане
в ослепительной мгле
маленький соколик
стоит на крыле*

раззолоченное варево
над горою дымный лед:

разволбченное зарево —
раскуроченное влет —

посередке пересолено
по краям — пережжено

распускает парасоль оно
и спускается оно

<...>

*маленький соколик
на крыле висит
вот сейчас вот повернется
и совсем улетит*

засвистали и зачпокали
ласточки врезаясь в чад:

ворон на вороне сокол на соколе
плачут стучат и кричат

птичий колокол почат —
где это? близко? далёко ли?

и кто — во рту кривой свисток
неся — несется на восток?

<...>

XII, 07

—

...золотая, залатала...

Дм. Закс

Если бы не из ржавеющей стали
сделаны были бы эти кусты,
так до зимы бы они и блистали
из искривлённой своей пустоты,

так бы они до зимы и блестели,
перемещая косые края,
и неподвижные птицы б летели
на растроённые их острия,

так и сопели из них до зимы бы
черных цикад золотые свистки,
так и ползли бы подземные рыбы
тихо под ними, круглы и жестки,

так и плыла бы из пыльного света
тихо над ними луна-госпожа,
если бы только не ржавчина эта,
эта в три цвета горящая ржа.

X, 07

В ночных колесиках огня
Зияет колбочка зрачка,
Сияет полбочка́ волчка —
И всё это едет на меня.

Но скрип земной и хрип ночной,
И шаг дождя в глухом саду,
Его дыхание на ходу —
Это всё мимо, стороной.

IX, 07

Платаны в ящеричной коже,
Но посвящаеся и поглаже,
С таким кручением в крупной дрожи
Культей всперённых, воздетых в раже,
С такой курчавой детвой в поклаже,
С такой натугой в нагнутом кряже,
Что кажется: мы взлетаем тоже —

Что, кажется, мы взлетаем тоже,
Как будто бы тоже и нам туда же —
Туда, где спят на наклонном ложе
Большие птицы в пуху и саже,
И ложе горит изнутри, похоже,
А в верхних подушках снаружи даже...
Так что же, что же, и нам того же?

— И вам того же, и вам туда же...

Постой, не стоит — себе дороже.

VIII, 07

и — как ветер ее сентябрьский ни полоскай —
реке напрягающейся, но всё еще плоской
чаечка светлая под Петропавловской
темной отольется полоской

и — как их октябрьский дождик ни полощи —
на крыше мечети в ее голубом завороченном желобе
горлышком потускнеют от спеси и немощи
полумертвые голуби

и — будут деревья сверкающей пыли полны
что полки уходящие в небо натопали
одни только будто из жести синеющей выпилены
будут тополи

и — трещать будет весело и в ноябре еще им
крылушком кратко стригущим
воробей на бреющем
над «Стерегушим»

II, 08

ночные женщины в очках
как у медузы на очах
шагают в света облачках
как темный каждого очаг —

в пылу их волосы нежны
губы их сложены в щипок
и вложены — будто в ножны —
их ноги в черноту сапог

руки их — черноты алей —
из блеска тянутся за мной
из треугольников аллей
они выходят в круг земной
и гаснут

II, 08

Толстый Фет идет вдоль сада;
ночь сквозь прутья палисада
с трех концов подожжена;
и выходит, полосата,
женщина за Шеншина,
оттого что он печален.

И пока она без сна
светит скулкой, как блесна,
в круглой комнате без дна, —
в антрацит ночных купален
насыпается луна.

III, 08

а там — в горах перегородчатых
в темнородчатых борах
сырые птицы в кожах сводчатых
как пистолеты в кобурах —
вот — подвигают дула синие
и черным щелкают курком
и прямо по прицельной линии
летят в долины — кувырком — — —

а там — на тушах замороженных
сады вздыхают как ничьи
и в поворотах загороженных
блестят убитые ручки —
и каждый вечер в час назначенный
под небом в грыжах грозовых
заката щелочью окаченный
на стан вплывает грузовик — — —

IV, 08

волна наклоненных растений
в наклонное море ушла
и что же светлей и растленней
чем узкие эти тела?

и что же темнее и тленней
и ниже — длинней и темней
чем отблески — на море — тений
и блески — на небе — теней?

IV, 08

Сквозь неясные поляны
и поплывшие поля
Лев Толстой, худой и пьяный,
над тупыми колоколами —
под крылами — под полами —
пролетает тополя.

Тютчев тучный, ты не прядай
серным пледом на ветру —
гром грохочет сивобрадый:
граф пролетом над тусклым прудом
осыпает тухлым трутом
сиволапую ветлу.

III-VI, 08

Звени, звени, маяк-гора —
гора обратная, дыра близничная
под шатким пологом голым-гола
шатра небесного — бесследно-млечная;
над валким порохом, поднятым с тла
костра безместного — мгла бесконечная.

С твоих ли звуков страшной прелести
гудит на черном желтизна?
Засну ли я, и в моря спелом шелесте
поет, звенит вся жизнь из сна!

VI, 08

пока мы были на войне
 край новомесячья в окне
 тугой как слово о полку
 перетолкнул по потолку
 косые полосы вовне
 а косы полые в шелку
 до толокна перетолок
 и заволок до поволок

пока мы плыли в облаках
 сгоревшим порохом дыша
 они на утлых каблуках
 по острию карандаша
 бежали млея и шурша
 в распотрошенных клобуках
 и сколько было их во мгле
 никто не знает на земле

когда я *милый твой* приду
 и облаком оболочу
 по подволоку подволоку
 косые волоса в шелку
 кривые голоса в саду
 тогда поднимется ура
 как поднебесная гора

а вы пока быкуйте фраера.

VII, 08

* Женихам (нем.).

1.

Дымы распались на горах
распотрошенным гинекеем,
и пеший грак, как некий Гракх,
кричал на мёртвом языке им.

И слушал, копыя наклоня,
наклонный лес над влажным склоном,
и два огня — как два коня —
летели в воздухе зеленом.

VII, 08, Looren, Züricher Oberland

2.

За боярышник под дождем,
сам себя на себя облакачивающий,
на другой горе подожен
колкий газ, облака поднакачивающий.

А за выжженный дочерна
грозный куст — до последнего терния! —
на иных горах дочтена
книга ветренная, вечерняя.

От нее ж летит на ветру глухом
строчка выветренная, слепая,
самый дальний, последний и светлый холм
мглою дочернею засыпая.

VII, 08, Looren, Züricher Oberland

3.

Когда сказал зеркальный пух,
протершийся сквозь неба купол,
что свет зерцаемый попух,
что свет зерцающий потух
и в вишнях искрами захрупал,

что пал боярышник, что пал
с горы туман — как между стекол
разъятых капель накопал — ,
что пар погас и газ попал
в жерло небес и там зачпокал,

что крылья длинные свернул
короткий ястреб — и свернулся,
и тенью выгнутой сверкнул,
как будто сверху бездну ткнул
и к верху, в бездну, вертанулся... —

сейчас же знали мы: ага,
ночные зеркала прорвало —
вторая армия врага,
поднявши тучи на рога,
уже стоит у перевала.

X, 08

солнца сушеная жёлчь, неба прожженная синь;

лавровишенья — бело-прозрачный блеск;

дуболиственья — мелкозубчатый плеск
в золотых париках, как Расин;

богумильские сосны в рыжей полуистлевшей золе;
лигурийского войска соломенный строй
под гору лёгший окровавленной махрой;

розоперстье прованское, сладкое, как керосин, —

всё отливается в сизомолочном стекле
поперечного воздуха; и если долго глядеть на скалу,
то из окон в скале
выйдут ласточки-люди и поползут по стеклу —
направо и в рост,

а лодочки-птицы, голубки, сестра за сестрой,
крыльями быстро скрипя, полетят под горой
на ущерб и налево — во мглу виноградных борозд;

и провожатый жужжащий замолкнет.

VIII, 09, Venasque, Provence

полусумраком полны
полусомкнутые купы
снизу — вдоль заострены
сверху — поперечно тупы

снизу — хлещут второпях
длинноплечие мотала
сверху — блещут в тополях
искры белого металла

снизу косная вода
в прорезиненных прорезах
сверху — полыханье льда
и негромкий гром железок

едем-едем в полумгле
по сверкающей дороге
снизу — небо на земле
сверху — море на пороге

VIII, 08

Спустился сон еще до тьмы
на сад, закрывшийся руками
своих смутнобелеющих камней.

Мы засыпали стариками,
а просыпаемся детьми
и даже лучше, кажется, — умней.

Над садом шелк небесный туг
и солнечно круглеет боком
над твердым шевеленьем вод —
последний щелк, последний стук,
и вот, как в выдохе глубоком,
корабль, шар и сад и небо поплывет —

*тогда очнемся и начнем,
гудя свежеподдутой пневмой,
о человечестве ночном
и о России полудневной.*

IX-X, 08

1.

*изгибаясь как пила
река в небо заплыла*

и где она заплыла
пыльной пеленой
вылеплен из пыла
алый шарик ледяной

и где ракета взмыла —
ускользая вслед
вырезан из мыла
оплывающий свет

как бездымный порох
как бездомный прах
пар парит вращающийся
на двойных ветрах

2.

и никуда не деться
от бездыханных вьюг
даже если с дамочками
улететь на юг —

на мазутных пляжах
не пересветить
мрамористость ляжек
известковость тить

даже и на поезде
даже из ума
из-за того что тьма везде
и везде зима

*вставшая на два угла
зима в море заплыла*

XI, 08

1. В ПАВЛОВСКОМ ПАРКЕ — ВЫХОДЯ

как в оплетенные бутылки
в деревья разлили луну
а чуть оглянешься — не ты ли
скользишь перекошенный по дну?

и свет сквозь ветки заголенный
и ветер в дереве пустом
и вечер белый и зеленый
и скрип и шорох и стук и стон

XII, 08

2. ПАВЛОВСК — ВО СНЕ

за полоненною луной
в слезах — бежать — в одной сорочке
в заполоненное луной
тьмы облако без оболочки

остановиться не дойдя
до круга света и распада
и в черных пблосах дождя
среди — застыть — глухого сада

и засыпая до весны
свежо и горько пахнуть тленом
в зеленых волосах луны
плечом смутнея и коленом

VIII, 10

Я забыл эту зиму, слядяную грозу,
от нее даже дыму не осталось в глазу,
даже в горле — намокшего меха.
Двадцать лет я не помнил ни сон, ни слезу,
ни растущую в сердце ледяную лозу,
ни под сердцем жужжащее эхо.

Двадцать лет я не помнил и столько же зим
этот сладкий, прозрачный и плачущий дым,
этот запах прощанья и страха.
Двадцать лет мы — почти что незримо — кружим
и над садом седым, и над рядом чужим
в плотном небе слоистого праха.

Что ж, пчела дорогая, теперь ты — сама,
оттого что кончается эта зима,
оттого что исполнились сроки.
Неслучайно опять зазвенело ледком
незнакомое небо, чей холод знаком —
скоро в сердце подтает иззубренный ком,
скоро снова откроется путь над летком —
и свободы шажок неширокий.

ДОЖДЬ, тринадцатистишие

*В ужасных тех стенах, где Иоанн,
В младенчестве лишенный багряницы...
В. К. Кюхельбекер, «Тень Рылеева»*

где лишенный багряницы
сквозь пустые провода
парк чернеет в никуда

взяв перо у голубицы
с разгромлённого гнезда
быстрым почерком убийцы
пишет под ветер вода

пишет пишет не допишет
от земли и до небес
жухлым паром не додышит
пухлым жаром не допышет
провода не доколышет

и не с тенью и не без

I, 09

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕСНА, одиннадцатистишие

...Как бедный нищий мимо саду...

Ф. И. Тютчев, «Пошли, Господь, свою отраду...», июль 1850 г.

Вдоль той ограды копыеносной
над тенью костно-полостной
своею — плоской и полбсной —
по мостовой мясной и косной
как бы полоской папиросной
лететь последнею весной...

Но вам, где вам знать ту ограду,
тот свет, хладнеющий в горсти?
И ту, последнюю отраду —
богатым нищим мимо саду
на солнце жидкое брести.

VI-VII, 09

ХОЛОД, пятнадцатистишие

В снегах отечества лелеять знобких муз...

К. Н. Батюшков, Из письма к А. Н. Оленину от 4 июня 1817 г.

сыпкий ссыпался графит
в реку с высохшей доски
зыбкий луч сумрак графит
полосует на куски

зря мы сердце леденим леденим
хоть изрезан ледерин ледерин
свод небесный неделим

лучше выйти покурить в юный дым
к нелюдимым звездам молодым

попросить у сонных мурз
сердцу вылечить озноб
пожелать у знобких муз
в спелом небе белый сноп белый сноп

что ж мы сердце леденим
свет над бездной неделим

XI, 09

ЛУНА, четырнадцатистишие

На шаровидной колеснице

Хрустальной, скользкой, роковой

Г. Р. Державин, ода «На Счастье» (1790)

Гляди-ка, у луны соосной
Подбито нижнее крыло —
По набережной светоносной
В траве нескошенной стоостной
Оно волбчится тяжело.

И всё волбчится и волбчится,
И волочится по мостовой,
Пока не вскочится и не всклокочется,
Не скособочится вниз головой,
Пока до остова не раскурочится
Стоостой тенью мостовой,
До острого пока не сточится
Над остановленной Невой —
Хрустальной, скользкой, роковой.

XII, 09

Жуковский, время всё поглотит —

Тебя, меня и славы дым...

К. Н. Батюшков, «Жуковский, время всё поглотит...» (1821)

Слава славна, мгла заглавна,
Вспухл над нею алый шар —
Пребудет наше время плавно,
Пока в реке плывет пожар

У сада Летнего, где вскипяченная
Та Лета русская, Фонтанка черная,
Литейным расплавом втекает в Неву,
Но — с лавы дым не тонет наплаву!

Но — слабый дым плывет уже три века,
И кто на нем плывет, как в облаках? —
Великий Петр и Петр малый, Пека.
И кто еще, с коробочкой в руках?

Пусть эта песня и надсадна,
Ее споют, хоть не своя,
Два Петра, два Александра,
Два Иосифа и я.

VII, 10

* Дементьев Петр Тимофеевич. Родился 29 ноября (12 декабря по новому стилю) 1913 г. в Петербурге. Умер 6 октября 1998 г. «Шаровая молния». «Маленький виртуоз». «Игрок, делавший с мячом всё что угодно». «Ни на кого не похожий из футболистов своего времени и не нашедший преемников в будущем». «Гений в нашем футболе был один — Дементьев Пека».

Истолченная мгла просыпается
сквозь решетку в стеклянном огне —
это птица-игла просыпается
и летит к истончённой луне.
Растворяется блещущий зрак —
растворяется свищущий мрак.

Здравствуй, мгла моя, ясная, зимняя,
здравствуй, ночи светящийся шар —
это птица-игла-Полигимния
возвращается в белый пожар.
Зелен ветер на снежном плацу —
ловит волк роковую овцу.

IV, 09

1.

Мы полночи обведены стеной,
 а в ней дощатый дождь, заборы повторяющий —
 дощатый дождь, сжигаемый луной
 и алюминиевой золою воспаряющий.
 Парящий сад в смятении своем
 скачет пред Г-дом всё полоумнее —
 в Америке полночной мы живем
 где полный месяц полнолуние.
 В саду прозрачных коников скачки
 И призрачные скачки конников,
 А мы глядим, как дети и зрачки —
 столетники с горящих подоконников.

V, 09

2.

в америке где грыжеваты
 и дрожжеваты облака
 вспенённый крест из жидкой ваты
 на небе ширится пока
 из каменного перелеска
 где смертью поят зеркала
 не вылетит кусочек блеска
 и не дождет его дотла — — —

— — — в америке где полудённый
огонь сжижается в дыму
и крыж вспенённый полутемный
над ней снижается во тьму
и перелесок шлакоблочный
весь в искрах гаснет надо мной — — —
— — — в америке светло-полночной
во тьме ее полудневной

V, 09 — VII, 10

НА ВЕЧЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЭЗИИ
(три эпиграммы)

старое остекленевшее мясо
из пустоты надутого пуза
восхищенно попахивает по-французски

старый обызвествленный разум
из пестроты надутого паха
возмущенно попыхивает по-итальянски

старая окостеневшая совесть
из простоты надутого сердца
воспрещенно попукивает по-кастильски

VI, 09

ВОЛЖСКАЯ ПЕСНЯ

вышли девушки на реку
в полосатом своем полусне
их — подобны фонарику —
польхают пустые пенсне

с их папах позолоченных
облетает горячая цвель
в их пахах заболоченных
шевелится щавель

а в глазах их безжалостных
и не пыл и не жар и не блеск —
жалкий лоск побежалостных
уходящих под землю небес

VI, 09

ПЕСНЯ О СОКОЛЕ

как посмотришь в сад небесный
с поднебесного холма —
там под бездною асбестной
не кончается зима

там раскромсанный под тучей
как попал над вертолет
круглый куб воды падучей —
западного ветра лед

сквозь него лежит на север
в жидкой ночи полосу
сонный сокол — змеевеер
с круглым носом на весу

в море солнечном и черном
не кончается пурга
и стеклом своим снотворным
не скрепляет берега

под стеклянную могилу
эта мгла недозажглась...
сокол сокол змей воскрылый
с желтым когтем между глаз

VII, 09

ПЕСНЯ О КОНЕ

нет все отпрянули не зря мы
что-то мимо нас неслось
впереди лицо с ноздрями
позади пучок волос

впереди огня полоска
догорала до горы
а по краям светло и плоско
качала ночь свои шары

слева облако чернело
подзолотой меловой
а справа туча червенела
изжелта-синей головой

и когда всем этим блеском
стали мы ослеплены
ветр глухой с посвистом резким
налетел из-за спины

IX, 09

у трамвая девятого номера
разноцветные гаснут глаза
поскольку с Колокольной улицы
он сворачивает за

*снег льется по проволоке
как соль по ножу
я еще пока маленький
я на раскладушке под окошком лежу*

а когда сквозь переднюю дверь его
воздух выдыхается весь
по ступенькам в потухшее череве
всходит снежная взвесь

и чернеет трамвайное красное дерево

*снег скользит по проволоке
кровью по лезвию ножеву
я еще пока маленький
я еще поживу*

в России где уже леса
полны полупрозрачным салом
заподлицо к сырым сусалам
звезда летит из-под лица
больших и плоских облаков

к ней черный лыжник поднялся
две искры вычиркнул кресалом
отхаркался и был таков

поди-ка поищи по мраку
где был и не был бедный дух
где прахом возвратили праху
сырые перья черный пух

сигналят звезды пассажирам
на самом верхнем этаже

зимы полупрозрачным жиром
земля накормлена уже

XII, 09

1. ОСОКОРЬ

С пóдвывом, будто гармоника
Долго сползает с плеча,
Во тьме, на холме, в голове у громовника
Сипло кричит саранча.

Во мгле, на горе, в головне света серого
Дробно горит серебро...
Осокорь, осокорь, райское дерево —
Черное в сердце ребро.

IX, 09

2. С ЛЮБОВЬЮ И НАДЕЖДОЙ

Шуршащий гром почти замолк,
Столь нестерпимый человеку,
И чтобы дождик не замок,
Уже замкнули на замок
 Огнем замощённую реку.

Прощай, прощенная зима
И запах смертного карбида,
Спускающийся на дома,
И ты, светящаяся тьма —
 Мы свидимся, дева-обида.

Мы были блеском без тепла,
Мы были теплотой без тела,
Когда на западе блестела
Обледенелая пила
И птица в падении пела.

Теперь мы дождик на весу,
Зеленый снег шестиугольный,
И воздуха укол небольшой,
И Бог, смотрящий на лису,
И грохот шуршащий над Школьной...

II, 10

3. ПРОЩАНИЕ

Под искрящейся лещадкой
Черная вода лежит.
У реки возок с лошадкой —
Кто там, цыган или жид?

Кто там, попик или барин,
Петушок или бекас,
Астраханский ли татарин,
Чигиринский ли черкас?

Кто там, ворон или мельник,
Или древний, глупый цверг?
Что там — черный понедельник
Или каменный четверг?

Почему с тоской нещадной
Он глядит из-под руки
На серебряный и чадный
Черный свет из-под реки?

Отчего уже не режет
Этот свет, и стар и нов,
Отчего не слышен скрежет,
Стук и скрежет жерновов?

Остановлены страдания,
Остановлена вода.
До свиданья, до свиданья,
До свиданья навсегда.

12. III. 2010

на платан-позвоночник что до пястев истёкших облез
с облаков подзолоченных осыпается шелковый блеск

там где низкое облако в кислоту обращенного льда
там в колючья разодрана проволока и стекает руда как вода

там где мгла просыпается там где мга протирает стекло
до того там протерто стекло что и солнце стекло

по платану полуголому что сдирает последний кушак
и — на мертвую голову с морозной осокой в ушах

XII, 09

ПРОСТЫЕ СТИХИ О СНЕГЕ

(Ленинград, 80-е гг.)

М. Н. Айзенбергу

снег скрипит свежепросольный
на немеющих губах

снег садится парасольный
на сугроба карабах
в смутный садик двуугольный
среди утлых калабах

снег везут по колокольной
в скарабеях-коробах

-

едут едут скарабей
жвалой гнутою гребут
всё слабее и слабее
этот скрежет этот гуд

всё грубее и грубее
тьмы светящейся скорбут

-

снизу прах зимы последней
сверху зрак ночной слюды

всё бесследней и бесследней
наши круглые следы

XII, 09

строфа

золотой
оселедец
расслоён
о колодец

положён
на порожек
как мерцающий
ножик

на порожек
поло́жен
из темнеющих
ножен

из ножон
подлужённых
и затем
погружённых

ВСЁ ТЕМНЕЙ
ОКОЛОДОК
В ОБЛАКАХ —
ОГОРОДАХ

ГОР

антистрофа

золотой
запорожец
из отслóбненных
кожиц

положён
полужженный
а вокруг
полужёны

соложён
да посолен
хоть бы вытек
из штолен

посолён
но солодок
встал бы хоть
из колодок

А НЕ ЛЮБО
НЕ НАДО
СПИ В УГЛÉ
ПОЛУСАДА —

ВОР

эпод

спит в углу
палисада

ВОР

тьень горы
как глсссада

ГОР

в ней мерцают
кинжалы

ГОР

а он лежит
полежалый

ВОР

l, 10

Куда ушли нагие зимы?
Их больше нету
Ни в невском воздухе, ни в рейнском.

В бумажном садике еврейском
Вновь пишет снег неугасимый
Как свет по свету.

Вгорает след неугасимый
Слюдою — в воздух
В бесследном дворике еврейском.

И в невском проблеске, и в рейнском
Вновь: только снега шаг гусиный.
И в ватных звездах.

I, 10

— Мы вышли из ворот под синий дождь флоренский,
В жемчужной сеточке жужжащий на весу —
Как туча пчельная, как воздух полуженский,
Как вдох, которого уже не донесу, —

Так пело олово, расплескано меж облак,
Так ныли головы деревьев под мукой,
И сердца голого летел веселый отблик
Над телом свернутым реки полумужской,
Так твердь творожная свой дождик отряла —

*остановившийся чтоб подождать пока вдохну
архангел с крыльями как крышка от рояля
наклонно реющий по итальянскому окну.*

I-II, 10

ОДА НОЧИ

Я хотел бы звезд зеленых,
вздыхающих в ночном пуху,
и я хотел бы гор, сожженных
зыбкой нитью наверху,
но сыпкой тенью черный порох
ссыпается с заоблачных корон:
мир этот с верху покорён,
где горний гул, и дальний шорох,
и самолеты в сияющих шорах,
и горны ночных похорон.

Луны подотъеденный твёрог,
звезд огурецкий орех
застревают в решетчатых створах
неподъемно-ступенчатых рек:
подрагивают колосники,
подпрыгивают колесики,
и чей-то поезд поперек реки
сквозь облый мрак летит по просеке;
река же, створы затворя,
углом уходит в горькие моря.

III, 10

ОДА РАССВЕТУ

хоть небосвод насквозь померк
сквозит из его дуг и падуг
какой-то страшный фейерверк

зеленый блеск и белый сверк
как сад где только дуб и падуб

по скользким лестницам зари
как за медузою медуза
сплывают света пузыри

ночное мужество замри
дневному ужасу обуза

IV, 10

ОДА ИЗ ПОЕЗДА

в речках медных нечищенных
изгибается медленный ток
а со сгибов посколото
у лещинок у нищенок
меди старой пятак на пяток
но зато сколько золота
на плечах у дубовых мужчин
выбегающих молодо
из лощенных закатом лощин

самолеты бескрылые
нас несут над склоненной страной
тени белые милые
расплюсь от небесного холода
оплывают за нашей спиной

но зато сколько золота
набегает у нас на стекле
и сыпается смолото
к уходящей под землю земле

V, 10

ГИМН ВЕСНЕ

Смертью горло полоскали
Дуры-горлинки во сне,
Из пылающих клёвов плёскали
В голые глаза весне —
Золотыми полозками
По воспаленному стеклу
И вспылёнными полосками
На расплавленном полу.
Вот сад, где ртутная вода
Стекала всю ночь тройным уступом
В темнеющее никуда
По темно-голубиным купам —
Сквозь пыль и пыл стекла, сюда;
И ночь за ночь ее труда
Оплачена тройным сюркупом:
Медведки скрылись, и волчцы
Шипы зеленые надели,
Седеют в гробе мертвецы,
Когда еще не поседели,
И смертью дурни-горлецы
Полощут горло в самом деле.

V, 10

ПРОГНОЗ НА ЛЕТО

Я вижу синие дворы,

Где стены сложены из дыма.

На камни Иерусалима

Ты положи свои дары.

Владимир Шенкман (1955–2002)

Лето будет красное, как поезд-стрела.
На застывших колесиках, перестуженных добела,
на колесиках золотых-раскаленных
пролетит — от стрекоз черно-желтых и до сине-зеленых.

Лето будет белое, встанет снег золотой.
Станет ветер обратный дуть рот в рот пустотой,
и, чернее зеленого, муравьиные львы
вылетят из иерусалимской Невы.

Лето будет черное, а в нем золотые фонарики.
По разлившейся под небом иерусалимской Москва-реке
метеором подкачанным вперекос
перелетит — от зелено-синих и до желто-черных стрекоз.

VI, 10

...а как я вышел, был полон сад
огней сдвоенный, теней строений;
был сразу клетчат, затем полосат,
и паром из облачных строений
окачен с краю, где неба скат...
...когда б я знал, что уже пора,
что в яблоке юном достанет воска
на тающий в небесах укус,
я в дом бы вернулся, что был как куст,
кем-то срубленный без топора
у предпоследнего перекрестка.

...но кто у въезда на небо стоял
среди ягод бело- и чёрноплодных
и был, как столиц небесных столяр
и как плотвиц стоместных плотник? —
стамеской он тьму от тьмы отслюял...
...когда б я знал, что уже июль,
что сада счетверена занавеска
свеченьем со всех небесных сторон,
я вышел бы из дому, сел в паром
и по небу, белому как от пуль,
поплыл бы — в забытой руке стамеска.

VI, 10

Что будет музыкой в аду?
Пила в разветвьях голотелых
И колоченье оголтелых
Косилок на холостом ходу?

Что будет золотом в аду?
Ветчины узкие магнолий?
А злым медным — не стегно ли
Медведки, вытомленной во льду?

Что будет потóm в полом сне?
Что будет Тютчевым и морем?
Что — истомлением, что — горем?
И что потóm, куда и мне..?

V, 10

Дождь был. Деревья отжали
с острых воскрылий крахмал.
Шершень споткнулся на жале
и тяжело захромал
по опаленной ступеньке
на опыленную тьму —
шелка лоскутья, как деньги,
розы роняют к нему.

Здравствуй, пустая природа —
мытые мая сады,
древ золоченая рота
у серебряной воды,
осы, и красные шершни,
и моховые шмели,
черви, латунные стержни,
выросшие из земли...
мертвые в каплях стрекозы...
крыльев потерянный шелк...
дикие майские розы...

...Дождь был. И снова пошел.

V, 10

в россии маленькой двойной
в ее волне сверкальной
мы были сном и довойной
и завойной зеркальной

и спали в кованой воде
в ее литом завое
в огнях пружинных и везде
где падали мы двое

где два окна и довойна
и завойна за воем
ночных машин — и чашка сна
под солнечным завоем

и где — невидимы чужим
ни локтем ни коленом —
мы и сейчас еще лежим
в огне военнотленном

VII, 10

О звездках — о жу желах еле живых,
 О плачущих крыльями в черных коробках,
 Облитых мерцаньем ночных ежевик —
 Оттекшим, померкнувшим; или же в их
 Осевшим подблескивать крыльях коротких, —

О тех облаках, да — об их животе,
 О розово-синем и желтом сысподу,
 О мраке крученом в его пустоте,
 О тьме, где вращаются тени не те,
 О свете, сбегаящем в гулкую воду, —

О свете другом, из другого угла
 О черно-зеленом, как лавр или падуб,
 Оттуда идущем, где полая мгла,
 Оттуда, где голая полночь кругла,
 Откуда ни света, ни мрака не надо б, —

О небе другом на другой стороне,
 О серо-сухом, как ежовая шерстка,
 О полой луне, да — о полой луне,
 О полуйссохшей, о той, где на дне
 Огонь наддвоённый глядит из наперстка. —

VIII, 10

Иппокрена... выцветшая рана
У сухого неба на краю...
Пьет больная птица из-под крана
Ржавую небесную струю.

Спит больная птица под лоскутным —
Шевелящим листья — потолком...
Музы, музы... скудным и паскудным
Задыхаясь вашим ветерком.

IX, 10

Подплакнули товарищи, подплыли господа,
Подкапнула на клавиши сгущенная вода —
Сгущенная, сыченая, свяченая вода.

Подплакнули товарищи, сушеные сычи,
Свящённые опарыши, ночные усачи,
Как бархатные парусы вздыхая у свечи.

Не плачайте, не плачайте, скажу я господам,
Ни сұхоты, ни слякоти врагу я не отдам —
Не плачайте, не клапайте, а позовите дам!

Пусть выпрыгнут из баночек на ножке небольшой,
Похожи на испаночек, но с русской душой:
С орляночкой начищенной и с решкой небольшой —

В морозном небе высвещенной орешкой небольшой!

19.IX.2010

1. ТАМ, ТОГДА

(Ленинград, ноябрь 1981 г.)

*Мой друг! я видел море зла
И неба мстительного кары...*

К. Б. (1813)

Там рвет себе тельник беглый бук,
гатчинский бухой голштинiec —
он камню райского града внук;
и на плече твоём, смотри,
треугольный его гостинец
с мёртвой семечкой внутри.

Там на углу ланских равнин
дробно дрожит под наши скрипы
крученный тополь-дворянин
и, распутивши тыщу губ,
на плечике у сдутой липы
заснул с рассветом барыга-дуб.

Там светит ветер к ноябрю
всё заведеннее и безгрешней,
и в ту кромешную зарю
ты, мимо всех этих господ
(чернореченской черешней
натрудивши губ испод),

едешь — как *кесарь* к *косарю*,
летишь — как *русский Гельдерлин*,
плывешь — как *в море зла, мой друг*,
по каменно острóвскому проспекту
пока-еще-домой...

XI, 10

2. ЗДЕСЬ, ТЕПЕРЬ

(Гейдельберг, октябрь 2010 г.)

*Wie der Vogel des Walds über die Gipfel fliegt,
Schwingt sich über den Strom, wo er vorbei dir glänzt,
Leicht und kräftig die Brücke,
Die von Wagen und Menschen tönt.*

F. H. (1800)*

Под горою безводный Неккар
через расчесочки течет,
над горою взводный пекарь
звезды хлебные печет —
звезды хлебные бесследные
у него наперечет.

Под мостом несет поноску
неподвижную река,
а нас с тобою несут по мбсту
четыре срезавшихся каблука
и сыплют искрами над нами
остывающие облака,

* Как птица лесов перелетает вершины гор.

Так перемахивает через реку, сверкающую мимо тебя,
Мост, легкий и сильный,
Звучащий повозками и людьми.

Ф. Г. (1800)

По мосту грохочет фура
в сиянии дымных кристаллид,
а у моста кротко и хмуро
швабский Батюшков стоит —
швабский Батюшков-Безбатюшков,
со шваброй пасынок Харит.

Как поднимешься по Неккару,
так закончится гора,
и расплакаться будет некому,
оттого что уже вчера.
Скрипят на морозце ночном флюгера
в прошло-будущем у столяра,
еще-пока-не-добра...

XI, 10

О клене клееном,
 О склоне слоеном,
 О дождике сонном, что летя пересох,
 О свете каленом,
 О лете соленом,
 О белой воде, что летит, как песок,
 О рое, парящем над райским районом,
 О небе, снижающемся наискосок

Ласточки кричат на выдохе
 И срываются над рекой:
 Раскрываются на выходе
 И скрываются под рукой;

А река — вся дым зеркальный,
 Над ней заря — вся зеркала,
 Из них змеею пирамидальной
 Тьма выезжает, как юла...

На вдохе ласточка молчит,
 На вдохе дождик не стучит,
 И темнота над раем,
 И мы не умираем.

- Первые стихи года..... | 7 |
 На набережной..... | 8 |
 Февраль на холме..... | 9 |
 Три шестистишия со словом «вода»..... | 9 |
 Песни зимних высот (1)..... | 9 |
 Песни зимних высот (2)..... | 10 |
 Песни зимних высот (3)..... | 11 |
 Три шестистишия без слова «вода»..... | 11 |
 Простой зимний хор..... | 13 |
 Утро..... | 14 |
 «полетели из дому...»..... | 16 |
 Баллада..... | 17 |
 Франкфурт, 1840-е гг..... | 19 |
 Элегии на перемены состояний природы..... | 20 |
 «Из-за стеклянных наклонных стрел...»..... | 20 |
 Мы поглядели с ночного дна..... | 20 |
 Три трехстишия перед грозой..... | 21 |
 Двустушие с невидимой частью..... | 21 |
 Внизу, у дороги..... | 22 |
 В декабре пополудни..... | 22 |
 Облака, март..... | 23 |
 Три раза о грозе..... | 23 |
 «загород черный светом зарос...»..... | 24 |
 Солдатская песня в Петербурге..... | 25 |
 Виноградные песенки..... | 26 |
 Песенка..... | 26 |
 Песенка (II)..... | 27 |
 Песенка (III, осенняя)..... | 27 |

- Песня, песенка (IV, или вторая осенняя) и хор
(скрытый)..... | 28 |
- «Если бы не из ржавеющей стали...»..... | 29 |
- «В ночных колесиках огня...»..... | 30 |
- Платаны в ящеричной коже..... | 31 |
- Осень в Ленинграде (80-е гг.)..... | 32 |
- Ночные женщины в очках..... | 33 |
- Толстый Фет..... | 34 |
- Осень в полях (80-е гг.)..... | 35 |
- Стихи с юга..... | 36 |
- По эту сторону Тулы..... | 37 |
- Звени, звени, маяк-гора..... | 38 |
- An die Freier..... | 39 |
- Стихи с юго-запада..... | 40 |
- 1 «Дымы распались на горах...»..... | 40 |
- 2 «За боярышник под дождем...»..... | 40 |
- 3 «Когда сказал зеркальный пух...»..... | 41 |
- 4 «солнца сушеная жёлчь, неба прожженная
синь...»..... | 41 |
- Стихи с севера..... | 43 |
- Петербург..... | 44 |
- Зима 2008..... | 45 |
- 1 «изгибаясь как пила...»..... | 45 |
- 2 «и никуда не деться...»..... | 45 |
- Два стихотворения о Павловске..... | 47 |
- 1 В Павловском парке — выходя..... | 47 |
- 2 Павловск — во сне..... | 47 |

II

- Двадцать лет спустя..... | 51 |
- Стихи с эпиграфами..... | 52 |
- Дождь, тринадцатистишие..... | 52 |
- Последняя весна, одиннадцатистишие..... | 53 |
- Холод, пятнадцатистишие..... | 53 |
- Луна, четырнадцатистишие..... | 54 |
- Песня о Пеке Дементьеве..... | 55 |
- Стихи..... | 56 |

В Америке.....	57
1 «Мы полночи обведены стеной...».....	57
2 «в америке где грыжеваты...».....	57
На вечере международной поэзии.....	59
Три песни.....	60
Волжская песня.....	60
Песня о соколе.....	60
Песня о коне.....	61
Трамвай девятый номер.....	63
О зиме.....	64
Стихи Елене Шварц.....	65
1 Осокорь.....	65
2 С любовью и надеждой.....	65
3 Прощание.....	66
Платан-позвоночник.....	68
Простые стихи о снеге (Ленинград, 80-е гг.).....	69
Хор «Полежаев».....	70
Через два года, романс.....	73
Дождик во Флоренции: снаружи и внутри. (Ранняя весна 2007 года).....	74
Оды и гимны неперемнным состояньям природы.....	75
Ода ночи.....	75
Ода рассвету.....	76
Гимн весне.....	76
Ода из поезда.....	77
Прогноз на лето.....	78
А как я вышел, был полон сад.....	79
«Что будет музыкой в аду?..».....	80
Май.....	81
«в россии маленькой двойной...».....	82
О звездках.....	83
«Иппокрена... выцветшая рана...».....	84
Стихи с дырочкой в смерть Александра Миронова.....	85
Два стихотворения.....	86
1. Там, тогда (Ленинград, ноябрь 1981 г.).....	86
2. Здесь, теперь (Гейдельберг, октябрь 2010 г.).....	87
Гимн.....	89

попечители серии

Дмитрий Борисов
Дюка Бруни
Лев Бруни
Артем Васильев
Евгений Гиндилис
Анатолий Голубовский
Илья Демичев
Миомир Дживульский
Филипп Дзядко
Алексей Егоров
Анна Карельская
Мария Карельская
Владимир Корсунский
Павел Курош
Антон Носик
Алексей Паперный
Варвара Турова
Карэн Хачиян
Дмитрий Ямпольский

олег
юрьев

стихи и другие стихотворения

Верстка Тамара Донскова
Производство Семен Дымант

Клуб «Маяк»
125009, Москва
Большая Никитская улица, дом 19
телефон (495) 691 7449
e-mail info@clubmayak.ru
<http://www.clubmayak.ru>

Новое издательство
119017, Москва
Пятницкая улица, дом 41
телефон (495) 951 6050
e-mail info@novizdat.ru / sales@novizdat.ru
<http://www.novizdat.ru>

Подписано в печать 13 марта 2011 года
Формат 60×90 1/16
Гарнитура Minion
Объем 6 условных печатных листов
Бумага офсетная
Печать офсетная
Заказ № 4

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Типография Момент»
141406, Московская область
Химки, Библиотечная улица, дом 11

Юлий Гуголев. Командировочные предписания
Евгений Сабуров. Тоже мне новости
Анатолий Найман. Экстерриториальность
Николай Байтов. Что касается
Евгения Лавут. Afterpоеms
Алексей Цветков. Имена любви
Олег Юрьев. Франкфуртский
выстрел вечерний
Мария Степанова. Проза Ивана Сидорова
Михаил Айзенберг. Рассеянная масса
Елена Фанайлова. Черные костюмы
Алексей Цветков. Ровный ветер
Арсений Ровинский, Федор Сваровский,
Леонид Шваб. Все сразу
Николай Звягинцев. Туц
Сергей Стратановский. Оживление бубна
Александр Миронов. Без огня
Алексей Цветков. Сказка на ночь
Дмитрий Веденяпин. Что значит луч
Мария Степанова. Лирика, голос
Александр Беляков. Углекислые сны
Андрей Поляков. Китайский десант
Елена Фанайлова. Лена и люди

С К О Р О

Виктор Коваль. Особенность
конкретного простора
Михаил Айзенберг. Случайное сходство

ISBN 978-5-98379-145-9

9 785983 791459